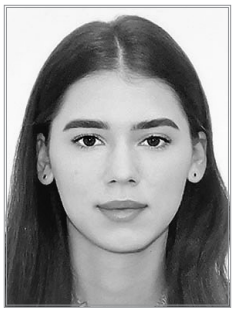
Article

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИНУЖДЕНИЯ В ТЕОРИИ ПРАВА

Любовь Чернова*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-23-30



Введение. *В настоящей статье проанализированы современные концепции принуждения в теории права. Влияние на осмысление принуждения было оказано за счет политических и правовых взглядов на сущность государства и права. В либертарном понимании право является институтом, в рамках которого принуждение обеспечивает свободу, а также способно защищать свободу от ее нарушений. В либертарной концепции право понимается как формальное равенство свободных индивидов и представляется как всеобщая форма свободы людей. А, с психологической точки зрения, принуждение в соответствии с концепцией Хейла определяется в качестве механизма искусственного ограничения опций выбора для того, чтобы принудить выбирающего сделать определенный и нежелательный выбор.*

Материалы и методы. *Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в теории права и сравнительном правоведении.*

Результаты исследования. *В результате проведенного анализа выявлено, что государственное принуждение определяется в качестве механизма, который ставит лицо перед необходимостью выбора, где каждая из альтернатив не является благоприятной с точки зрения целей и интересов осуществляющего выбор.*

Обсуждение и заключение. *Установлено, что феномен государственного принуждения в современном дискурсе рассматривается в сопоставлении со свободой. Уделено внимание концепциям принуждения В.А. Четвернина, а также А.С. Пучнина. Кроме того, в статье предпринята попытка применить воззрения Р. Хейла к анализу государственного принуждения.*

*** Чернова Любовь Сергеевна**, преподаватель секции кафедры английского языка № 6 Одинцовского филиала МГИМО МИД России, соискатель кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России
e-mail: chernovaluba123@gmail.com
ORCID ID: 0009-0006-1820-9031

Введение

В современной теории права вопрос о принуждении обычно рассматривается в сопоставлении со свободой. Политико-правовые воззрения на сущность государства и права не могли не оказать влияния на осмысление принуждения. Так, В.А. Четвернин, давая определение понятию права, пишет: «В либертарном понимании право является институтом, в рамках которого принуждение обеспечивает свободу, защищает свободу от ее нарушений. Свободой (и правом как необходимым институтом или необходимой формой свободы) признается такой порядок социальных интеракций, при котором действует (и обеспечивается организованным принуждением) всеобщий запрет агрессивного насилия <…> В либертарном понимании правовой регуляцией признается только обеспечение равенства в свободе, т.е. такая «сопряженная с принуждением регуляция поведения» свободных индивидов, когда отклоняющимся поведением признается только агрессивное насилие» [7. С. 228-229]. Однако подобное определение стало объектом критики И.Л. Честнова, который указал на весьма расплывчатый критерий «агрессивного насилия» [6. С. 565-566]. «Кто и по какому критерию определяет в каждом конкретном случае, имеет ли место агрессивное насилие или нет? – задается вопросом ученый, – например, установление обязательной процедуры регистрации, паспортного контроля, личного досмотра при посадке в самолет (особенно после 11.09.2001) и т.п. ограничивает свободу, но относится ли к «агрессивному насилию»?» [6].

Исследование

В отечественной литературе довольно интересная концепция принуждения сформулирована А.С. Пучниным. Попробуем реконструировать основные суждения автора. Ученый при выявлении принудительных оснований объективного права исходит из гипотезы о том, что принуждение всегда представляет собой изменение воли субъекта, а потому противоречит свободе, справедливости и равенству – фундаментальным составляющим права [2. С. 116].

Отрицание свободы заключается в конечной цели принуждения – несвободе индивида, умаление справедливости также видится ученому во вторжении в индивидуальную волю лица. Наконец по мнению А.С. Пучнина, «принуждение следует рассматривать как действие, направленное на изменение отношения равенства, так как равный не может принуждать равного, сохраняя состояние паритета, свободы и справедливости. Однако равенство – единственный элемент права, признающий принуждение, хотя речь должна вестись, в данном случае, только о праве позитивном, то есть праве, санкционированном государством» [2. С. 117].

На основании этих аргументов автор приходит к выводу о том, что принуждение не может являться признаком права естественного, а является лишь порождением позитивного права. Принуждение описывается в качестве неотъемлемого механизма, служащего медленной эволюции индивида и общества, «научая индивидов правильному использованию свободы, не во зло себе и другим» [2]. В результате, когда совпадут максимы частной и общественной воли, может отпасть необходимость в принуждении. После этого пассажа автор сразу же оговаривается: «…но вероятно такого не случится, ибо государство обосновано не только правом, но и независимыми от права институтами. Отмирание государства невозможно». И единственно верным представляется основной акцент принуждения сместить на принуждение идейное (характерное силе права, поскольку последнее представляет собой идею, или ценную информацию, которая может быть усвоена индивидами самостоятельно, как необходимость; другие эпитеты, способные охарактеризовать данный вид принуждения – принципиальное, психическое, внутреннее).

К сожалению, столь многообещающее начало – выявление противоречия между принуждением и свободой – в итоге вылилось в констатацию весьма тривиального тезиса о «великой» ценности психического принуждения. Это предопределяет потребность обратиться к зарубежному опыту разрешения известной коллизии между свободой и принуждением.

Одним из самых любопытных представляется взгляд Р. Хейла. Описывая принуждение в частном праве, ученый констатирует ошибочность поверхностного вывода о том, что обязательственное, вещное и иные частноправовые институты воплощают идею свободы и самоопределения субъектов [10. P. 472]. Любая социальная коммуникация происходит в устоявшейся системе распределения благ между субъектами. По сути, поведение лица и его свобода ограничена результатами действий других.

Поведение лица хоть и производит впечатление свободного, в соответствии с теорией Р. Хейла, является следствием косвенного принуждения [4. С. 305]. Последнее мыслится автором в качестве ситуации, когда лицо ставится перед необходимостью выбора, в котором каждая из альтернатив не является благоприятной с точки зрения целей и интересов осуществляющего выбор [14]. Третьяков С.В., иллюстрируя концепцию Р. Хейла, приводит пример с недействительностью сделок, заключенных под влиянием угрозы или насилия [4. С. 306]. Действительно, если представить себе подобную ситуацию, то субъект оказывается в состоянии выбора между плохим и очень плохим. Однако американский правовед идет дальше и заявляет, что любой выбор представляет собой не свободу, а принуждение.

Возьмем, к примеру, реализацию права на труд. Тот факт, что лицо желает вступить в трудовые отношение напрямую связан с существующим в обществе распределением материальных благ: коль скоро субъект намеревается получить необходимые для удовлетворения потребностей блага, он должен предоставить собственнику этих самых благ некий имущественный эквивалент, чтобы состоялся обмен. Для реализации этой задачи потенциальный работник должен устроиться на работу и получить заработную плату. Выходит, субъект вынужден реализовать право на труд в обмен на доступ к материальным благам. Для теории права подобный вывод Р. Хейла означает, что любой «свободный» выбор, в сущности, происходит в рамках взаимного принуждения.

Несомненным достоинством позиции Р. Хейла также является то, что он смог последовательно дифференцировать прямое и косвенное принуждение и указать на то, что в определенных случаях последнее способно оказывать большее воздействие на волю субъектов, чем первое [9. P. 50].

Тезисы американского правоведа отчетливо напоминают рассуждения основоположника солидаризма Л. Дюги. В соответствии с воззрениями последнего юридические возможности представляют собой права-обязанности, предоставленные субъекту объективным правом [11. P. 181]. По сути, содержание правовой возможности, принципы ее реализации предопределены целью, которую создает правопорядок. В этом смысле управомоченный никогда не обладает какой-либо свободой в осуществлении права, наоборот, лишь правопорядок знает истинное назначение юридической возможности. Получается, все юридические возможности являются объективно-правовыми [8. P. 181].

Как гипотеза Л. Дюги, так и концепция Р. Хейла открывают обширные возможности для государственного вмешательства в частные дела. Как верно отмечает С.В. Третьяков: «В самом деле, если любые хозяйственные решения, которые субъекты <…> принимают, являются следствием взаимного принуждения, которое они осуществляют друг на друга, то всегда существуют основания для вмешательства публичной власти с целью «сбалансировать» это взаимное принуждение участников экономического оборота» [4. С. 307]. Объясняется столь высокая роль государства очень просто: поскольку имманентным оказывается взаимное принуждение, от правопорядка требуется искать баланс в каждом конкретном случае, чтобы ограничить власть сильной стороны и защитить наиболее слабую.

Но как эти рассуждения соотносятся с гипотезой о стихийном развитии права? Ведь политико-правовое решение либеральной традиции позволило сформулировать вывод о стихийном развитии права. Проблема здесь состоит в том, что в трактовке Р. Хейла не просто отличить принудительное взаимодействие от добровольного, следовательно, правопорядок может возвести в ранг правовой нормы именно принудительную социальную практику. В связи с этим государство наделяется правом, с точки зрения Р. Хейла, не только признавать результаты стихийного развития, но и изменять их для того, чтобы «сбалансировать» взаимное принуждение субъектов и ограничить чрезмерную экономическую силу одной из сторон отношения.

Подобный взгляд на роль государства сразу же нивелирует предыдущие возражения о соотношении свободы и принуждения, и в целом постулируемый аргумент о том, что принуждение противоречит равенству, свободе и справедливости. Ведь если каждая социальная коммуникация вызвана принуждением, то функция государства сводится к осуществлению благородной цели – коррекции дисбаланса.

Эти рассуждения выглядят весьма парадоксальным образом. К сожалению, Р. Хейл так и не смог предложить надлежащих критериев разграничения типов государственного вмешательства. По-видимому, цели ученого заключались в попытке расширить пределы государственного вмешательства и полностью деконструировать автономию воли субъекта.

Но попробуем все же вывести содержание принуждения в соответствии с подходом Р. Хейла. Оно представляет собой любое ограничение возможности выбора, которое субъект осознает в качестве такового [12]. Но ведь любой выбор происходит в определенном социальном контексте, который неизбежно влияет на него. В этой связи ограничение не должно создаваться объективными условиями, существующими независимо от субъектов отношений (как в примере – рыночная цена, которая вынуждает покупателя заключить договор). Истинное принуждение заключается в искусственном ограничении свободы выбора альтернатив поведения. В этом смысле принуждение представляется результатом осознанной деятельности принуждающего [4. С. 313].

Весьма удачно понятие принуждения, комментируя положения теории Р. Хейла, сформулировал С.В. Третьяков: «… принуждением следует считать не любое неблагоприятное для выбирающего ограничение опций, между которыми приходится выбирать, а намеренное и искусственное ограничение этих опций с целью принудить выбирающего сделать определённый и нежелательный для него выбор. Иными словами, принуждение в собственном смысле – это намеренная постановка субъекта перед необходимостью совершить выбор из альтернатив, каждая из которых является неблагоприятной и нежелательной для него» [15].

Выходит, что государство управомочено вмешиваться лишь в ситуациях, когда лицо намеренно и искусственно ограничивает для другого субъекта количество альтернатив с целью принудить последнего осуществить неблагоприятный для него выбор. Но здесь возникает целый каскад дополнительных вопросов: во-первых, что означает намеренность? Во-вторых, как должен определяться благоприятный выбор? В-третьих, современные отношения довольно многообразны и сложны, в экономической сфере нередко речь идет об обширных договорных цепочках, связывающих производителя и конечного покупателя – если предположить наличие принуждения в промежуточном звене цепочки, то на что именно должно реагировать государство и самое главное – как?

Попробуем последовательно ответить на поставленные вопросы. Намеренность отнюдь не означает формы вины в смысле уголовного права, скорее, этот критерий необходим для указания на искусственность созданного принуждения. Так, стихийно образованная рыночная цена обладает равным принудительным воздействием на всех участников деятельности, вряд ли государству надлежит вмешиваться в процесс ценообразования. Во всяком случае хорошо известны примеры негативных последствий такого вмешательства (разумеется, если речь не идет о нарушении антимонопольного законодательства). В этом смысле рыночная цена – социальный контекст, в рамках которого субъектам приходится делать выбор.

Ответ на второй вопрос более сложный. С.В. Третьяков предлагает следующий пример для прояснения настоящей проблемы. «Предположим, - пишет ученый – некто тонет, рядом проплывает лодка, и ее хозяин предлагает спасти утопающего за огромную сумму. Никаких иных способов спастись у утопающего в данном случае нет. Утопающий соглашается, а после спасения пытается оспорить заключенную сделку со ссылкой на то, что она заключена под влиянием принуждения. С сугубо психологической точки зрения принуждение, трактуемое как ограничение возможности выбора, здесь налицо. Однако хозяин лодки в данном случае не является создателем ситуации, в которую попал тонущий. Он был бы им только в том случае, если бы сам создал ситуацию, в которой оказался тонущий. Тем не менее хозяин лодки в данном случае воспользовался неблагоприятной для тонущего ситуацией. Можно ли считать этот случай принуждением? Все <…> сводится к тому, каким образом трактовать исключенную предложением владельца лодки опцию, а именно безвозмездного спасения утопающего» [4. С. 316]. Выходит, что если безвозмездное спасение рассматривать в качестве общепринятой практики, то предложение владельца лодки спасти утопающего за огромную сумму можно трактовать в качестве искусственного ограничения выбора. Напротив, принуждения не будет и правопорядок не должен никак реагировать, если исходить из посылки, что никто никому ничего не должен. Получается, для того чтобы определить принудительность необходимо знать определенный стандарт поведения. По сути, определить правомерное поведение или ожидаемый от любого разумного лица в данной ситуации стандарт поведения.

Дать ответ на третий вопрос представляется еще более сложной задачей. Представим себе единственного производителя какого-нибудь блага, допустим, он перепродает свой товар по завышенной цене дистрибьютеру, тот в свою очередь также завышает цену (для того, чтобы получить прибыль) и реализует

товар конечному продавцу. Последний продает товар по весьма завышенной цене двум различным покупателя, один из которых обладает значительным состоянием, тогда как второй претерпевает. Как решить подобный пример с точки зрения Р. Хейла? Также надлежит учитывать, что для богача излишняя трата денег не представляется принуждением, тогда как для нищего очевидно искусственное создание ситуации ограниченного выбора. Стоит ли государству реагировать лишь на поведение производителя и финальную сделку между продавцом и претерпевающим нужду человеком? Или необходимо рассматривать всю цепочку как единое целое? Весьма не просто дать ответы на эти вопросы. Кажется, что в теории Р. Хейла придается излишнее значение психологическому аспекту принуждения, вовсе лишая его нормативного значения.

Кроме того, позволим себе заметить то обстоятельство, что решение второго вопроса (какая из альтернатив считается благоприятной) и выделение общего объективного стандарта поведения, характерного для любого разумного лица, возбуждают первоначальную проблему о разграничении добровольных и принудительных социальных коммуникаций. Можно ли быть уверенным в том, что объективный стандарт не сложился под влиянием принудительных факторов? Ведь, как мы уже подчеркивали, столь широкий подход Р. Хейла к определению принуждения нивелирует различия между добровольным и принудительным.

Разумеется, столь широкое понимание принуждения приводит к полному отрицанию свободы воли субъекта, а также конструкции субъективного права. Тем не менее взгляд американского правоведа любопытно распространить именно на государственное принуждение. По сути, если отвлечься от проблемного разграничения добровольного и принудительного в сфере социальных коммуникаций и попытаться применить аргументацию Р. Хейла именно к государственному принуждению – возможно получить довольно оригинальную теорию.

Итак, как мы уже отмечали, принуждение в соответствии с настоящей концепцией определяется в качестве механизма искусственного ограничения опций выбора для того, чтобы принудить выбирающего сделать определенный и нежелательный выбор (с психологической точки зрения). Попробуем рассмотреть это понятие применительно лишь к государственному принуждению. Проиллюстрировать сказанное можно на примере ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Так, согласно п. 1 данной статьи «в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (пункт 1 статьи 330) на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1)»[1]. Наибольший интерес вызывает второе предложение указанного пункта. В нем предусмотрен, по сути, штраф за неисполнение судебного решения (астрент). То есть в ситуациях, когда должник по обязательству не исполняет судебное решение (исполнение в натуре), кредитор вправе потребовать уплаты штрафа. Иными словами, правопорядок уничтожает возможность выбора для должника опции не исполнять судебное решение. И искусственно создает нежелательную для него альтернативу (уплата денежной суммы).

Как в данной ситуации быть с тезисом о том, что задача государства заключается в придании известной социальной практики норме права. Выполнить эту задачу государство может посредством так называемых регулятивных правил[2] [12. P. 27]. Проблема состоит в том, что любое подобное правило трансформирует сам паттерн, это приводит к ограничению допустимого диапазона

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Здесь мы следуем различию, проведенному Ф. Шаэуром. Ученый разделил правила на два вида: регулятивные и конститутивные. Первые направлены на установление определенной модели поведения посредством принуждения и обязанности, тогда как вторые создают дополнительные возможности, создают варианты поведения.

выбора в рамках социальной практики. По сути, мы вновь впадем в тот противоречивый круг рассуждений, который высказывал Р. Хейл. Получается довольно серьезное противоречие: предприниматель, осуществляющий свою деятельность определенным образом, после принятия регулирующих правил, отличающихся от стандартов поведения торговца, будет ограничен в выборе социально допустимого поведения. Разумеется, регулирующие правила, по меткому замечанию Дж. Сирла, достигают своих целей посредством наложения обязанностей на субъектов и санкций за их несоблюдение [13].

Одно из возможных решений этой сложности состоит в том, что акцент должен быть смещен именно на конститутивные правила, которые призваны создать некоторый юридический механизм фактических явлений. Иными словами, эти правила создаются как бы в «параллельной» юридической реальности и при этом такие правила могут мирно сосуществовать с фактическими отношениями, не совпадающими с подобными правилами. Предполагается, что конститутивные правила постепенно вытеснят альтернативные социальные практики. Проиллюстрируем эту мысль на примере Ф. Шауэра [12. P. 28]. Договор – чисто юридическое явление. До его появления существовало лишь «обещание» – фактический аналог договора. Однако, как нетрудно догадаться, обещание не создает надлежащего правового режима, который обеспечен принудительной силой. Выходит, право создает конкурирующую возможность, предоставляя субъекту выбор – заключить договор или довольствоваться простым обещанием. Разумеется, право дедуцирует определенного рода стимулы для того, чтобы контрагенты все же обращались к средствам договорного права, тем не менее такой механизм значительным образом отличается от регулирующих правил с обязанностями и санкциями.

В этом примере отчетливо видно, что речь идет не о прямом принуждении заключить договор под угрозой применения, к примеру, конструкций ничтожности или несуществования [5] ко всем иным формам волеизъявления субъектов, а о создании определенного режима, который представляется более выгодным для потенциальных контрагентов[3]. По сути, речь идет об убеждении.

Любопытно, что в советской науке 60-70-х гг. государственное принуждение нередко рассматривалось во взаимосвязи с «убеждением». Отмечалось, что принуждение в скором времени будет иметь лишь вспомогательный характер, а в будущем с отмиранием государства вовсе исчезнет [3. С. 280]. Как справедливо отмечает Е.С. Попкова: «… в основе метода убеждения лежат сознательные и устойчивые правовые установки и мотивом к правомерному поведению является действие в соответствии с собственной волей, совпадающей с волей государства» [1. С. 18].

Получается, что истинное предназначение государства постепенно отойти от применения методов прямого принуждения и обратиться к механизму убеждения. В целом взгляды советских ученый синонимичны высказанным ранее идеям. Различие регулятивных и конститутивных правил помогает в разграничении убеждения и принуждения. Ведь, как мы уже ранее отмечали, неотъемлемым атрибутом регулятивных правил являются обязанности и санкции за их нарушения, тогда как конститутивные нормы призваны создать наиболее благоприятный для субъектов режим осуществления своей деятельности, сходный с убеждением [13]. Если же обязанности, основанием которых являются именно регулятивные правила, нарушаются, то за этим следует государственное принуждение. Последнее, согласно идеям Р. Хейла, мы можем определить в качестве механизма, искусственно ограничивающего альтернативы поведения для того, чтобы принудить выбирающего сделать определенный и нежелательный выбор.

Заключение

В заключение статьи можно сделать следующие выводы:

1) В современной теории права феномен государственного принуждения рассматривается в сопоставлении со свободой. Была рассмотрена точка зрения В.А. Четвернина, согласно которой принуждение защищает свободу, при этом последняя определя-

[3] Подобный режим выгоден постольку, поскольку снижены так называемые трансакционные издержки. Экономический анализ права при такой трактовке принуждения представляется удобным механизмом нахождения оптимальной модели поведения.

ется в качестве такого порядка социальных интеракций, при котором действует запрет агрессивного насилия. Проиллюстрировано, что проблемой в концепции В.А. Четвернина представляется весьма неопределенный критерий «агрессивного насилия».

2) Несколько иначе понятие государственного принуждения рассматривает А.С. Пучнин. Ученый акцентирует внимание на том, что принуждение противоречит свободе, справедливости и равенству, поскольку представляет собой изменение воли субъекта. Принуждение является неотъемлемым механизмом позитивного права, служащим медленной эволюции индивида и общества, научая индивидов правильному использованию свободы, не во зло себе и другим.

3) Проанализирована концепция принуждения Р. Хейла. В соответствии с воззрениями американского правоведа цель принуждения заключается в том, чтобы поставить лицо перед необходимостью выбора, в котором каждая из альтернатив не является благоприятной с точки зрения целей и интересов осуществляющего выбор. Проблема концепции Р. Хейла состоит в слишком широкой интерпретации принуждения. Тем не менее, если его суждения применить непосредственно к государственному принуждению, получается довольно оригинальная концепция государственного принуждения, в основе которой искусственное ограничение возможности выбора.

Литература:

1. Попкова Е.С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : 2001.
2. Пучнин А.С. Принуждение и право : дис. …канд. юрид. наук. Тамбов : 1999.
3. Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок : дис. … д-ра юрид. наук. М. : 1966.
4. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. М., 2022.
5. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007.
6. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.
7. Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М., 2009. С. 215-237.
8. Duguit L. Traite de droit constitutionnel. Tome premier. Paris, 1924.
9. Fried B. The Progressive Assault on Laisser Faire: Robert Hale and the First Law and Economic Movement. Cambridge, London, 1998.
10. Hale R.L. Coercion and Distribution in a Supposedly Non-Coercive State // Political Science Quarterly. Volume 38. 1923. No. 3. P. 470-494.
11. Roubier P. Droits subjectifs et situations juridiques. Paris, 2005.
12. Schauer F. Force of Law. Cambridge, London, 2015.
13. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
14. Tretyakov S. The Concept of Legal Coercion and Power-Conferring Legal Regimes // Russian Law Journal. Volume 5. 2017. No. 1. P. 33-56.
15. Tretyakov S. Power Conferring Legal Rules As Coercive Offers? // Russian Law Journal. Volume 6. 2018. No. 1. P. 4-27.

MODERN CONCEPTS OF COERCION IN THE THEORY OF LAW

Introduction. *This article analyzes the modern concepts of coercion in the theory of law. The impact on the understanding of coercion was provided through political and legal views on the essence of the state and law. In the libertarian understanding, law is an institution within which coercion ensures freedom, and is also able to protect freedom from violations of it. In the libertarian concept, law is understood as the formal equality of free individuals and is presented as a universal form of people's freedom. And, from a psychological point of view, Hale's concept of coercion is defined as a mechanism for artifi-*

cially restricting choice options in order to force the chooser to make certain and undesirable choices.

Materials and methods. *The methodological basis of the study was the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the theory of law and comparative law.*

Research results. *As a result, state coercion is defined as a mechanism that puts a person in front of the need to choose, where each of the alternatives is not favourable from the point of view of the goals and interests of the person making the choice.*

Discussion and conclusion. *It has been established that the phenomenon of state coercion in modern discourse is considered in comparison with freedom. Attention is paid to the concepts of coercion by V.A. Chetvernin, as well as by A.S. Puchnin. In addition, the article attempts to apply the views of R. Hale to the analysis of state coercion.*

Lyubov S. Chernova,
Lecturer in the Section of the English Department No. 6 of MGIMO-University (Odintsovo branch), Ph.D. applicant of the Department of Theory of Law and Comparative Law of MGIMO-University, Russia

Ключевые слова:

принуждение, меры государственного принуждения, государство, власть, Р. Хейл, либертарная теория права

Keywords:

coercion, measures of state coercion, state, power, R. Hale, libertarian theory of law

References:

1. Popkova, Ye.S., 2001. Yuridicheskaya otvetstvennost' i yeye sootnosheniye s inymi pravovymi formami gosudarstvennogo prinuzhdeniya [Legal responsibility and its correlation with other legal forms of state coercion]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow.
2. Puchnin, A.S., 1999. Prinuzhdeniye i pravo [Coercion and law]. Dis. …kand. yurid. nauk. Tambov.
3. Rebane, I.A., 1966. Ubezhdeniye i prinuzhdeniye v dele bor'by s posyagatel'stvami na sovetskiy pravoporyadok [Persuasion and coercion in the fight against encroachments on the Soviet legal order]. Dis. … d-ra yurid. nauk. Moscow.
4. Tret'yakov, S.V., 2022. Razvitiye ucheniya o sub'yektivnom chastnom prave v zarubezhnoy tsivilistike [Development of the doctrine of subjective private law in foreign civil law]. Moscow.
5. Tuzov, D.O., 2007. Teoriya nedeystvitel'nosti sdelok: opyt rossiyskogo prava v kontekste yevropeyskoy pravovoy traditsii [The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition]. Moscow.
6. Chestnov, I.L., 2012. Postklassicheskaya teoriya prava [Postclassical theory of law]. Saint-Petersburg.
7. Chetvernin, B.A., Yakovlev, A.V., 2009. Institutsional'naya teoriya i yuridicheskiy libertarizm [Institutional theory and legal libertarianism]. *Yezhegodnik libertarno-yuridicheskoy teorii [Yearbook of libertarian legal theory].* No. 2. Moscow, P. 215-237.
8. Duguit, L., 1924. Traite de droit constitutionnel. Tome premier [Constitutional law treatise. First volume]. Paris.
9. Fried, B., 1998. The Progressive Assault on Laisser Faire: Robert Hale and the First Law and Economic Movement. Cambridge, London.
10. Hale, R.L., 1923. Coercion and Distribution in a Supposedly Non-Coercive State. *Political Science Quarterly.* Volume 38. No. 3. P. 470-494.
11. Roubier, P., 2005. Droits subjectifs et situations juridiques [Droits subjectifs and situations juridiques]. Paris.
12. Schauer, F., 2015. Force of Law. Cambridge, London.
13. Searle, J., 1969. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Tretyakov, S., 2017. The Concept of Legal Coercion and Power-Conferring Legal Regimes. *Russian Law Journal.* Volume 5. No. 1. P. 33-56.
15. Tretyakov, S., 2018. Power Conferring Legal Rules As Coercive Offers? *Russian Law Journal.* Volume 6. No. 1. P. 4-27.